

УДК 323.2

МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

А. В. Горелкин

YOUTH AS A SUBJECT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN SOCIETY AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

A. V. Gorelkin

В статье рассматриваются основные подходы к политическим изменениям современности. Дается политологическая характеристика понятия «устойчивое развитие». Аргументируется значение перехода к устойчивому развитию в контексте обеспечения национальной безопасности транзитных обществ. Раскрывается роль современной российской молодежи как субъекта обеспечения устойчивого развития и национальной безопасности России.

The paper examines the main approaches to the political changes of our time. The political characteristics of the concept of «sustainable development» is given. The meaning of transition to sustainable development in the context of national security of the transit companies is substantiated. The role of modern Russian youth as a subject of sustainable development and national security of Russia is revealed.

Ключевые слова: политические изменения, устойчивое развитие, политическая стабильность, национальная безопасность, молодежь.

Keywords: political change, sustainable development, political stability, national security, youth.

Изменения, происходящие настоящее время в постмодернистском обществе, затрагивают имеющиеся социальные, экономические и политические отношения. Трансформация политических отношений собственно и представляет собой политические изменения, которые в этой связи определяются как «трансформация политических институтов, связанная со сдвигами в балансе социальных акторов, с изменением их потенциалов и позиционной расстановки политических сил» [4, с. 188]. Данное определение, трактующее политические изменения как специфический вид социальных изменений, интерпретирует их как преобразования, связанные с переменами властной регуляции общества и, соответственно, со сменой институциональных структур или же их качественной трансформацией, обусловленной, в свою очередь, социально-экономическими, культурными, ценностными переменами в обществе.

Политические изменения детально рассматриваются в рамках целого ряда политологических и социологических теорий, в частности, в теориях модернизации, демократизации, политического транзита, «социологии революции» и т. д. Среди концепций, раскрывающих конкретный механизм политических изменений, в настоящее время можно выделить два основных теоретико-методологических подхода. Согласно первой, «контекстуалистской» точке зрения, политические изменения связаны с нарушением баланса между политической системой и ее внешним «социальным контекстом» – меняющейся окружающей социальной средой. В данном случае в качестве детерминант политических изменений рассматриваются социально-экономические или социокультурные трансформации как общества в целом, так и отдельных влиятельных социальных групп, групп интересов, элит и т. д. Так, С. Липсет показывает зависимость характера и скорости демократических преобразований от изменения конкретных социально-экономических показателей [11], Р. Инглхарт – от переориентации массового сознания на постматериалистические ценности [6]. Другой подход в качестве причин политических изменений рассматривает

смену характера институционального взаимодействия. Соответственно, в рамках такого «институционалистского» подхода большее значение придается не самим социально-экономическим переменам, а характеру реакции на них институциональных механизмов, их способности поддерживать стабильность в изменяющихся условиях. В частности, С. Хантингтон полагает, что успешность и быстрота социально-политических изменений зависят от соответствия уровня и темпов политической институционализации происходящим социально-экономическим изменениям (индустриализации, урбанизации, росту социальной мобилизации и политической участия и пр.), т. е. от степени развития и «адаптивности» политических институтов [18]. Описанные подходы, по нашему мнению, по существу не противоречат друг другу, являясь в значительной степени взаимодополняющими, и описывают разные элементы одного и того же механизма, обеспечивающего комплекс взаимосвязанных политико-институциональных изменений.

Очевидно, что политические изменения могут при этом иметь различный характер. Трансформация социально-политического порядка может происходить как линейно, поступательно, так и нелинейно, со временными остановками или даже периодами обратного развития, «отката». Кроме того, динамика политических изменений может быть как плавной, медленной, практически незаметной, так и крайне резкой, «взрывной», революционной. Соответственно, можно выделить два противоположных варианта политических изменений – революционные (кризисные) и эволюционные (стабильные, устойчивые). Если первый вариант подразумевает дестабилизирующие или даже регрессивные изменения, то второй – прогрессивные, поступательные, собственно и определяемые как развитие. По словам А. А. Дегтярева, сохранение равновесия политической системы, обеспечиваемое ее устойчивостью, и кризисное нарушение равновесия, связанное с неустойчивостью ее институтов, образуют два «полюса» в «энергетике» политического процесса, задающие векторы его изменений [4, с. 201].

Таким образом, темп и характер политических изменений детерминированы таким параметром политической системы, как ее устойчивость. Ф. Р. Азашикова анализирует понятие «устойчивость» в одном ряду с такими категориями, как «надежность» и «сохранность». Устойчивость рассматривается ей в аспекте недопущения разрушения, распада системы, в плане обеспечения удержания достигнутого уровня ее основных параметров [2]. С категорией «устойчивость» ассоциируется также и такое понятие как «стабильность», однако, по мнению ряда политологов, они не являются полностью синонимичными. В отечественной политической науке сегодня принята трактовка политической стабильности как определенного состояния [7]. В этой связи в контексте нашей работы категорию «стабильность» мы рассматриваем как относительно более узкое понятие, отражающее текущее состояние политической системы. А под устойчивостью мы, напротив, понимаем относительно продолжительный по времени уровень равновесия между основными социально-политическими акторами, необходимый для поддержания целостности и системной организованности определенного политического порядка. То есть стабильность или нестабильность можно интерпретировать как ситуативный показатель равновесия политических сил, а устойчивость либо неустойчивость – как сущностную характеристику политической системы, отражающую ее способность к поддержанию стабильности при воздействии внешних и внутренних дестабилизирующих факторов.

Стабильность в той или иной степени ассоциируется также с неизменностью, постоянностью, фактически граничащей с отсутствием политической динамики, а устойчивость – со способностью обеспечить возможность целенаправленных эволюционных изменений политической системы, т. е. придать ей «адаптивный», динамический характер. Устойчивость такой динамической системы, в соответствии с современными теориями развития, определяется одновременным влиянием двух полярных тенденций – «отрицательной», связанной с воспроизводством и сохранением «старых» системных качеств, и «положительной», обеспечивающей возможность адаптации к «новым» условиям, изменениям внешней среды. Такая «динамическая устойчивость» развития служит для различных обществ идеальной моделью, дающей возможность эффективно преодолевать кризисы развития и решать социальные проблемы [8]. Это определяет важное место концепции динамической устойчивости среди современных теорий социально-политических изменений.

Проблема достижения динамической устойчивости политической системы становится особенно актуальной вследствие изменения характера и масштаба вызовов человечеству в постмодернистском обществе. Как известно, к отличительным характеристикам общества постмодерна относятся глобализация культуры и образа жизни, чрезвычайная мобильность, крайнее непостоянство, ускоряющаяся изменчивость. Способствующие росту благосостояния процессы модернизации и глобализации, по словам С. А. Панкратова, наряду с положительными изменениями привнесли и целый комплекс проблем планетарного характера, связанных с направленностью современного человека на максимальное получение прибыли без

учета возобновляемости ресурсов, и проявляющихся в несбалансированности развития регионов, государств и народов [14]. Все эти тенденции вполне закономерны и обусловлены глобальными проблемами человечества, такими как перенаселение, климатические изменения, «побочные эффекты» развития информационного общества и т. п., с необходимостью решения которых сегодня сталкиваются все социальные и политические институты.

При этом, как отмечает Р. Инглхарт, серьезные изменения коснулись и самой политической сферы постмодернистского общества, в которой, в частности, отмечается тенденция последовательного снижения уважения к власти и государственному управлению, сопряженная с ростом акцента на политическом участии граждан и их самовыражении, что, наряду с развитием демократии, осложняет положение правящих элит. Одновременно, характерная для общества постмодерна обстановка быстрых перемен и неуверенности в завтрашнем дне является питательной средой для ксенофобии. По его словам, эти и другие подобные изменения «травмирующим образом подействовали на традиционные политические механизмы индустриального общества, которые почти повсеместно разладились» [6]. Соответственно, отмечаемое сегодня многими авторами нарушение равновесия экологических, экономических и социальных систем закономерно проявляется и снижением политической устойчивости.

Осознавая значимость происходящих изменений, человеческое общество к концу XX века пришло к пониманию необходимости перехода с традиционного, естественно-исторического вектора развития на новый, проектируемый и политически управляемый путь, учитывающий весь комплекс сложных и взаимосвязанных экологических, экономических и социальных факторов. В качестве ответной реакции общества на вызовы глобальных противоречий С. А. Панкратовым рассматриваются идея и принцип «устойчивого развития», которое проявляется в переориентации на сбалансированное, управляемое развитие, протекающее в условиях гармоничного взаимодействия человечества и окружающей среды. С. А. Рябкова в аналогичном ключе также отмечает, что важнейшим политическим фактором, определившим становление концепции устойчивого развития, выступил ярко проявившийся во второй половине XX века феномен нестабильности, ставший следствием объективных процессов глобализации [16, с. 12]. В этой связи переход к принципам устойчивого развития рассматривается ей и как особый метод социальной инженерии (в попперовской интерпретации этого понятия). По словам С. А. Степанова, концепция устойчивого развития фактически представляет собой новое мировоззрение, новую философию и практическую «экополитологию», подразумевающую политические действия по предотвращению отрицательных последствий глобализации и кризисных катаклизмов [17].

В качестве общепризнанной идеологии концепция устойчивого развития общества была официально утверждена на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в 1992 г. Как отмечает В. К. Левашов, общее осознание глобальных опасностей, которые грозят прекратить развитие мировой цивилиза-

ции, впервые поставило в повестку дня разработку международной программы изменения характера развития нашей цивилизации, в которой, «по существу, речь идет об изменении способа мышления и жизне-существования на планете всего человечества» [10]. С принятием идеологии устойчивого развития сегодня обоснованно связывается надежда на то, что человеческое общество, оказавшись на переломном этапе своей истории, в своеобразной точке бифуркации, сможет выйти на качественно иной вектор цивилизационного процесса.

Современная концепция устойчивого развития, наряду с традиционно выделяемыми экологическими, экономическими и социальными аспектами, имеет и очевидную политическую составляющую. В этой связи, как отмечает А. А. Дегтярев, доктрина устойчивого развития в последние годы приобрела значительное распространение и в политологии [4, с. 201]. Теоретическими предпосылками этой доктрины послужили, в частности, концепции политической стабильности, определяющие ее через понятие «устойчивость» и, соответственно, связывающие политическую стабильность с развитием общества. При такой, более широкой трактовке политическая стабильность понимается не только как текущее состояние равновесия политической системы, но и как способность сохранять ее устойчивость при осуществляющихся изменениях. Так, в определении М. А. Василюка политическая стабильность – это «устойчивое состояние общества, позволяющее ему эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя при этом свою структуру и способность контролировать процесс общественных перемен. <...> В таком понимании стабильность воспринимается как важнейший механизм жизнеобеспечения и развития общественной системы» [3, с. 217 – 218]. Можно выделить несколько подобных трактовок политической стабильности, сближающих ее интерпретацию с понятием «устойчивое развитие», используемым в современной политической науке: это политическая стабильность как способность государства сохранять устойчивость в ситуации различных внутренних и внешних угроз; как проявление адаптационных возможностей социальной системы; как эффективное институциональное и социальное развитие.

Как самостоятельная категория «устойчивое развитие» сегодня используется в политической науке в нескольких аспектах. В зарубежной политологии проблема устойчивого развития рассматривается, прежде всего, в контексте современных политических изменений, политической модернизации, демократизации и демократического транзита, «консолидации демократии» и т. п. В отечественной политической науке устойчивое развитие анализируется в близком ключе как одна из наиболее важных функций государства, как задача социально-политического управления. При этом, как обоснованно отмечается в исследовании С. А. Панкратова, общим моментом для большинства исследований является анализ перехода России на путь устойчивого развития через призму концепции национальной безопасности [14]. Таким образом, в современной политической науке общий ракурс рассмотрения доктрины устойчивого развития связан с фокусировкой внимания на проблеме взаимосвязи

перехода к устойчивому развитию с задачами обеспечения национальной безопасности в транзитных обществах, в том числе и в России.

Как справедливо указывает В. В. Крицких, концепция устойчивого развития общества, приобретая значительное распространение в современной политической науке, в настоящее время «трактруется как политическая стратегия, реализация которой направлена на решение наиболее сложных рисков и негативных тенденций, основными из которых являются «экологический кредитный кризис», снижение темпов экономического развития, многочисленные очаги социально-политической напряженности, этнополитические локальные конфликты. Решение этих проблем требует целенаправленных объединенных усилий со стороны различных политических сил. Приоритетной задачей современного государства в этой ситуации становится устойчивое безопасное развитие через достижение экологического равновесия, создание «нересурсной экономики», обеспечение этнополитической стабильности» [9]. Очевидно, что успешная реализация этой стратегии может быть обеспечена при участии не только государственных, но и общественных институтов.

Важное место среди субъектов обеспечения устойчивости развития общества и, соответственно, его безопасности, занимает такая социальная группа, как молодежь. Значимость молодежи как в поддержании стабильности, так и в развитии социума связана с особым, двойственным характером ее социального положения, определяющимся ролью одновременно объекта и субъекта социальных отношений. С одной стороны, молодежь в процессе социализации усваивает нормы и ценности старших поколений, и, тем самым, обеспечивает сохранение и воспроизводство существующей социальной системы. С другой стороны, молодежь выступает самостоятельным и активным субъектом социального развития, общественного прогресса, выполняя инновационную функцию в процессе ювентизации. В этой связи В. В. Павловский видит общую цель новой интегративной науки о молодежи – ювентологии в «интегративном анализе общих закономерностей становления и развития людей молодого возраста, их определенных возрастных популяций», а также в «проверке и исследовании на практике полученных позитивных результатов, способствующих реализации концепции устойчивого развития мира, созданию социально справедливого общества» [13, с. 74].

В то же время, способность современной российской молодежи выполнять функцию по обеспечению устойчивого развития многими авторами ставится под сомнение. Как справедливо указывают С. А. Пфетцер, А. А. Зеленин и М. С. Яницкий, «сегодня молодежь не является гарантом устойчивого социального развития общества в полном смысле этого слова. При этом особую значимость и актуальность этот вопрос приобретает сегодня в обществах, характеризующихся серьезными социальными изменениями» [15, с. 13]. Закономерно в этой связи, что основной акцент в современных отечественных исследованиях, посвященных данной проблеме, делается на прикладных аспектах – прежде всего, на разработке технологий вовлечения молодежи в различные формы социальной ак-

тивности, способствующие переходу России и ее регионов к безопасному, управляемому развитию, устойчивому к факторам и рискам глобальных изменений современности.

Во многих публикациях в данном контексте аргументируется значимость поддержки становления просоциальной системы ценностей молодежи, технологий повышения значимости гражданско-патриотических ценностей, ценностей семьи, образования и самореализации, толерантности и т. д., то есть ценностей, по своей направленности противоположных экстремистской идеологии [5; 12; 19]. В частности, С. А. Пфетцер, А. А. Зеленин и М. С. Яницкий в своем исследовании демонстрируют значимость создания условий повышения уровня ценностного развития молодежи для обеспечения стабильности развития общества посредством специально организованной системы социальной и воспитательной работы [15]. Поддержка ценностного развития молодежи, в свою

очередь, способствует ответственному выполнению ей функций самостоятельного субъекта социально-политических отношений, росту ее неинституционализованной, добровольной социальной и политической активности. Как отмечают в этой связи Е. С. Азарова и М. С. Яницкий, актуальность добровольческого движения для современной России обусловлена, в частности тем, что изменения, происходящие в постмодернистском обществе, привели к изменению социальных отношений под влиянием новых потребностей и новых ценностей, в которых творческий ресурс молодежи осознается в качестве основного ресурса общественного развития [1]. Таким образом, поддержка становления просоциальной системы ценностей современной российской молодежи и вовлечение ее в просоциальные формы социально-политической активности выступают одним из значимых факторов устойчивого развития российского общества и, тем самым, обеспечения национальной безопасности России.

Литература

1. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120 – 125.
2. Азашикова Ф. Р. Основы стратегии устойчивого социально-экономического развития региона // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология). 2012. № 1. С. 196 – 201.
3. Василик М. А. Политология: учебник. М.: Гардарики, 2005. 588 с.
4. Дегтярев А. А. Основы политической теории. М.: Высшая школа, 1998. 239 с.
5. Зеленин А. А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации. М.: Российские университеты; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 290 с.
6. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6 – 32.
7. Ирхин Ю. В., Зотов В. Д., Зотова Л. В. Политология: учебник. М.: Юристъ, 2002. 511 с.
8. Касти Дж. Большие системы. Связность, сложность и катастрофы. М.: Мир, 1982. 216 с.
9. Крицких В. В. Безопасность как фактор устойчивого развития российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2011. 24 с.
10. Левашов В. К. Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 19 – 28.
11. Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 203 – 219.
12. Организация работы с молодежью: междисциплинарная интеграция теории и технологий / под ред. А. А. Зеленина, М. С. Яницкого. Кемерово: КемГУ, 2012. 328 с.
13. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М.: Академический проект, 2001. 304 с.
14. Панкратов С. А. Политическая модернизация России в контексте устойчивого развития: теоретический аспект: дис. ... д-ра полит. наук. Волгоград, 2006. 395 с.
15. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 143 с.
16. Рябкова С. А. Теоретико-политологическое обоснование стратегии устойчивого развития в контексте глобализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 26 с.
17. Степанов С. А. Глобализация. Устойчивое развитие. Образование // Концептуальные основы экологического образования в высшей школе для устойчивого развития. М.: Изд-во МНЭПУ, 2009. 286 с.
18. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
19. Яницкий М. С., Серый А. В. Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. С. 82 – 97.

Информация об авторе:

Горелкин Антон Вадимович – начальник главного управления по работе со СМИ Администрации Кемеровской области, anton.gorelkin@gmail.com.

Anton V. Gorelkin – Head of the Chief Division for work with mass media of the Administration of Kemerovo Region.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2015 г.